

УДК 070:93/94 (571.1)

Н. В. Жиликова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия*

retama@yandex.ru

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ В ТОМСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКЕ: СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИИ *

Рассматривается зарождение и развитие святочного рассказа в ведущих газетах дореволюционного Томска: «Сибирская газета», «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь». Святочный рассказ, один из традиционных «календарных жанров», стал неотъемлемой принадлежностью русской дореволюционной газеты в конце XIX – начале XX в., это утверждение верно и для региональной прессы. В сибирской журналистике развитие жанра святочного рассказа было связано с его возможностями эмоционального воздействия на читателя, обращения к духовным ценностям, что было важно для дореволюционных региональных газет.

В каждой из исследуемых газет можно проследить определенную эволюцию в постижении возможностей жанра святочного рассказа. Первоначально в них публикуются пробные одиночные материалы на тему Рождества, затем рождественская тематика развивается в нескольких публикациях, дополняющих друг друга, а в начале XX в. выходят полноценные святочные (рождественские) номера, в которых представлены материалы разных жанров. Анализ святочных рассказов позволяет сделать вывод о том, что в сибирской журналистике этот жанр имел свою специфику, связанную с местным колоритом, а также с общественно-политической позицией газет. Присутствие жанра святочного рассказа в газетах было и данью установившейся традиции, и возможностью донести до читателя положительные идеалы авторов, что соответствовало представлению местных изданий о воспитательной и просветительской роли прессы.

Ключевые слова: святочный рассказ, томская журналистика, жанр, «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь».

Одним из обязательных элементов жанровой структуры русской дореволюционной газеты были так называемые «календарные» жанры: святочные (рождественские) и пасхальные рассказы и новеллы. Это явление привлекает внимание крупных современных исследователей (см., например, [Старыгина, 1992; Душечкина, 1993; Баран, 1993] и др.),

которые обращаются к возникновению жанров, относящихся к календарной и праздничной литературе, их трансформации, жанровой модификации. Однако в первую очередь календарные жанры рассматриваются учеными на примере произведений крупных писателей: Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др., хотя в рабо-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 16-11-70002 «Периодическая печать Томской губернии второй половины XIX – начала XX века в общественно-политической и культурной жизни региона».

Жиликова Н. В. Святочный рассказ в Томской дореволюционной периодике: становление традиции // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 6: Журналистика. С. 7–13.

тах неоднократно отмечалось, что святочный и пасхальный рассказы к концу XIX – началу XX в. стали жанром массовой литературы, публикуемой преимущественно на страницах газет и журналов. В этом отношении сибирская журналистика не отставала от общих тенденций, поскольку «календарные» жанры вошли в структуру ведущих сибирских газет начиная с конца XIX в.

В настоящей работе рассматриваются процессы возникновения и развития жанра святочного (рождественского) рассказа на страницах ведущих частных газет дореволюционного Томска: «Сибирская газета», «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь». Целью исследования является определение специфики жанра святочного рассказа в томской периодике конца XIX – начала XX в. Основными методами, используемыми в исследовании, были историко-типологический и структурный. Добавим, что определения «святочный» и «рождественский» используются в данной работе как синонимичные, поскольку их не различали и дореволюционные авторы, и это не является принципиальным для выявления эволюции жанра в периодической печати.

Исследователи отмечают, что, несмотря на разнообразие святочных рассказов, можно говорить о некоторых общих типологических чертах этого жанра. Н. Н. Старыгина считает, что «определяющей жанровое содержание святочного рассказа является особая рождественская философия с ее утопическим и сентиментальным представлением о жизни, проповедью ценности человеческой жизни, тепла, добра и радости в отношениях между людьми. Нравственный смысл становится доминантой содержания в святочном рассказе» [Старыгина, 1992. С. 126]. Кроме этого, «по форме святочный рассказ достаточно каноничен: действие приурочено к рождественским праздникам и разворачивается в течение святок или одной рождественской ночи; с героем происходят чудеса, которые предопределяют душевную метаморфозу; рассказ имеет счастливую развязку» [Там же]. Моралистичность и назидательность святочных рассказов связана с христианскими заповедями, что придает им особую специфику.

Опираясь на приведенные сведения, рассмотрим святочные рассказы томских периодических изданий конца XIX – начала

XX в. в хронологической последовательности.

Впервые определение «святочный» по отношению к публикуемому произведению появилось в «Сибирской газете» в 1883 г.: это «святочный фельетон» под названием «Сибирский раек», подписанный «Дядя Федул» (СГ. 1883. № 52). Автор в роли балагура обличал сибирские порядки и «носителей пороков», отталкиваясь от календарной даты – празднования святок, однако этим и ограничилась связь фельетона с исследуемым жанром.

В 1884 г. журналисты обратили большее внимание на возможности «святочного текста», что привело к появлению в последнем декабрьском номере (№ 52) «Сибирской газеты» «сибирской святочной новеллы» под названием «Благодать». Однако и здесь традиционный святочный сюжет, связанный с появлением призрака, был использован автором для создания остросоциального фельетона, описывающего беды сибирского общества. В новелле главному герою, который характеризуется как «черноярский хроникер», является «великая историческая тень – Завоеватель Сибири»; вместе они совершают фантастическое путешествие по Черноярску, видят недостатки местной жизни, однако все они получают горячее одобрение призрака. Оказывается, по мнению «Завоевателя Сибири», ремесленный клуб, в котором процветают пьянство и карты, – «прекрасные учреждения»; питейные заведения – «абсолютная благодать», как и публичные дома; преступление – «кратер, посредством которого общество извергает из среды своей сформированные вредные элементы, иначе оно задохлось бы в собственных миазмах... другими словами: преступление – очистительная жертва на алтарь человеческого благосостояния». В итоге «обличительный» доклад корреспондента отправляется в печку, так как у него не остается надежды на исправление ситуации.

Тему обличения в этом же номере продолжали и пародийные стихотворные «Святочные рассказы» (автор Г. И. Иванов), созданные как «перепев» лермонтовского «Бородино» (СГ. 1884. № 52).

Третьей попыткой «Сибирской газеты» отдать дань жанру стал «святочный рассказ» «Первая и последняя елка», написанный известным русским писателем К. М. Станюковичем, который в 1885–1888 гг. отбывал

в Томске административную ссылку (в газете использован его псевдоним «Старый холостяк»). Рассказ был принципиально вписан в томскую реальность: мороз в нем – «жестокий, настоящий сибирский»; герой поднимается на действительно существующую в Томске Воскресенскую гору и т. д. В этих «местных декорациях» существует и действует маленький попрошайка, замечательный в одном из окон настоящую елку, на описание которой Станюкович не пожалел красок: «Елка, большая, богато изукрашенная елка, стоящая среди комнаты, сверкала, залитая огнями и блеском. Чего-чего только не было на этом дереве, ветви которого гнулись под тяжестью развешенных яблоков и разнообразных лакомств. Золотые орехи, блестящие конфеты, пряники, игрушки, фонарики... Весь этот блеск, все это великолепие невольно ослепило мальчика, никогда не видевшего ничего подобного» (СГ. 1886. № 53).

Обладая атрибутами классического «святочного рассказа» – елка, святочная ночь, бедный ребенок, пробуждение человечности у одного из участников рассказа, – произведение писателя заканчивалось трагически, приобретая оттенок социальной драмы, а не волшебного действия со счастливой развязкой.

Необходимо добавить, что выступление в жанре святочного рассказа не было первым для К. М. Станюковича. Близко по тематике находится рассказ «Елка», который впервые был опубликован в 1880 г. в петербургском сборнике «В людях». Однако «Елка» является классическим образцом жанра: в этом произведении взрослые люди преодолевают разные жизненные обстоятельства и находят возможность организовать елку для маленького мальчика, тем самым принеся радость и нежность в свою «убогую каморку и горемычную жизнь». Однако сибирская действительность не дала К. М. Станюковичу возможности поддержать «святочную тональность», и по контрасту с первым произведением «Первая и последняя елка» писателя выглядела особенно мрачно.

В отличие от обличительной «Сибирской газеты», которая последовательно проводила свою линию даже в «календарном» жанре, «Сибирский вестник» склонялся скорее к морализаторской и этнографической составляющей в святочных рассказах.

Впервые святочная тема в этой газете проявилась в одном из фельетонных циклов под общим названием «Чем мы живы», который на протяжении нескольких лет вел редактор газеты В. П. Картамышев, используя псевдоним «Щукин». Фельетонист описывал, как во время святок он пришел в маскарад, где повстречал загадочную Маску, с которой он обсуждал виды веселья местного общества и наблюдал за выступлениями разных других масок. Когда же пришлось выступить самому герою, – «невидимая сеть сочувствий сплелась между мною и слушателями из множества нитей, порвать которые сразу я был не в силах. Таков был конец второго года моей фельетонной жизни, и хотя все это мало правдоподобно, но все-таки сущая правда!» (СВ. 1886. № 115). Элементы святочного рассказа оказались органично встроены в фельетонную ткань повествования, а переплетение фантастического и обыденного создало возможность для критики оппонентов (представленных разыми «масками»), размышлений о местных нравах, а также для описания (очень важного для Картамышева) особой связи с читателями: «невидимая сеть сочувствий сплелась между мною и слушателями из множества нитей, порвать которые сразу я был не в силах» (СВ. 1886. № 115).

В следующем 1887 г. «Сибирский вестник» посвятил святочной теме уже несколько материалов, написанных в разных жанрах. Прежде всего это стихотворения: «Елка» (М. Овсянников) и «Один (Из сибирских рождественских рассказов)» (Всеволод С.). Если первое посвящено описанию грез уснувшего бедняка, в которых «звездоносный вестник рая» нисходит с небес к людям, то второе – это стихотворная мелодрама с участием одинокого сибиряка, создавшего семью с «природной жительницей края», и коварным соблазнителем, к которому неверная жена ушла вместе с ребенком. Однако перед смертью жена возвращается к мужу и раскаивается в своем поступке. Простив грехи, сибиряк с тех пор живет один. В заключение автор подтверждает достоверность рассказа, указывая на личное знакомство с героем стихотворения:

В тайге я той случайно был;
Тебя я знал, многострадальный,

И повесть о любви печальной
В стихах я этих изложил
(СВ. 1887. № 151).

Перед автором оставалась еще задача «привязать» сюжет к «рождественскому рассказу», о чем было заявлено в подзаголовке стихотворения, отсюда и появляется мотив грядущих святок и призыва к Христу в «великий этот день» дать утешение и исцеление всем скорбящим:

Стрелой мир пусть обойдет
Твое божественное слово –
И солнце истины взойдет,
И зла спадут со всех оковы!
(СВ. 1887. № 151).

Однако тема Рождества в номере этим не исчерпывалась. Следующим материалом шла «беседа на Рождество» под названием «Научные экскурсии в область загадочного» (автор Е. Емельянов). Это пародийный жанр, обыгрывающий форму научной статьи, поэтому текст изобилует многочисленными ссылками на труды А. Шопенгауэра, М. Нордау, Гумбольдта, Лермонтова и т. д. Автор, рассуждая о природе чуда, подводил читателя к мысли о том, что обыватели принимают за чудеса обычные фокусы и разоблачал суеверия и приметы.

Таким образом, в «Сибирском вестнике» была осуществлена попытка представления блока «рождественских материалов», которая затем продолжилась и в этой, и других сибирских газетах.

Этнографическая составляющая рождественских рассказов ярко проявилась в таких материалах «Сибирского вестника», как «В сочельник на гауптвахте» Щукина (СВ. 1888. № 98), «Рождество в тайге» А. Станиславского (СВ. 1889. № 150) и др. Сибирский колорит этим произведениям придавали «декорации», в которых происходило действие: таежная заимка, гауптвахта, почтовая служба и т. д. Все рассказы заканчиваются трагически: их главные герои страдают и умирают, испытывают унижение и боль, не находят поддержки и утешения у окружающих. Однако им дается возможность испытать светлые чувства, вспомнить о прошедшем, перенестись в другую обста-

новку, что как раз и было связано с темой Рождества.

Газета также публиковала переводные рассказы (см., например: «Зимняя сказка», перевод с немецкого – СВ. 1893. № 15; «Рождественский рассказ», перевод с французского – СВ. 1898. № 278), однако и здесь были выбраны такие произведения, в которых финал либо трагичен, либо открыт. Приведем в качестве примера заключительное предложение «Зимней сказки»: «До самого утра глядел в комнату мертвый Фриц» (СВ. 1893. № 15).

В целом, анализируя рождественские рассказы «Сибирского вестника», можно констатировать, что Рождество не было для авторов этой газеты темой, обязывающей к публикации оптимистичных и вдохновляющих материалов. «Календарный праздник» выступал здесь скорее предлогом для заострения внимания на общественных конфликтах, для демонстрации социальных контрастов. Поэтому рождественская тема реализовывалась в основном в жанрах фельетона и пародии, а также в рассказах с трагическим финалом.

Наиболее полно модификации жанра святочного рассказа были представлены на страницах газеты «Сибирская жизнь». В целом его эволюцию можно обозначить как постепенное расширение жанрового спектра от единичного рассказа (в конце XIX в.) до выхода в свет целых рождественских номеров в 1914, 1915, 1917 гг. В «Сибирской жизни» тема Рождества освещалась в фельетонах, рассказах – оригинальных и переводных, стихотворениях, «лирических зарисовках», а один из материалов получил подзаголовок «рождественский кошмар». Авторами святочных рассказов и рождественских номеров в этой газете выступали известные сибирские писатели и поэты, такие как Г. Вяткин, Г. Гребенщиков, М. С. Кларин и др.

«Сибирская жизнь» по сравнению с рассмотренными изданиями была более оптимистично настроена в отношении людской природы. В этой газете появляются рождественские рассказы со счастливым концом, более соответствующие классической традиции, как, например, «Рождественский сон» (Е. Померанцева) (СЖ. 1897, № 277). В этом рассказе молодая девушка, Тоня Соколова, получила шанс помочь бедным людям, пройдя тяжелое испытание (смерть от-

ца, отмена помолвки, бедность и горе). Но к счастью, это испытание только приснилось героине, и утром она делает верный вывод из случившегося и просит у живого и здорового отца тысячу рублей на благотворительность.

Еще одной возможностью, которой воспользовалась «Сибирская жизнь» для реализации святочной тематики, было иллюстрирование. В 1903 г. выходило иллюстрированное приложение к газете, и в один из номеров (приложение к № 279 от 25 декабря 1903 г.) был включен рассказ А. Мирской «Fa nocte, qua christus natus est» («Та ночь, в которую родился Христос» – эта строчка является лейтмотивом рассказа). Рассказ состоит из двух частей, героями обеих являются дети. В первой ребенок и отец вспоминают умершую мать, эта потеря объединяет их: «разделенное горе не падает гнетом на их измученные сердца». Во второй потерявшиеся в степи в буран киргиз и русский мальчик услышали рождественские колокола, и это помогло им выйти к людям и спастись. Рассказ проиллюстрирован заставкой на рождественскую тематику и тремя гравюрами В. Вучичевича, известного сибирского художника. Сюжеты рисунков связаны с темой рассказов: изображение отца и сына возле окна, зимний лес, буран в степи.

Второй случай иллюстрирования «Сибирской жизни» в связи с рождественской тематикой был связан с публикацией карикатуры. В № 286 (1912 г.) на развороте, в правом верхнем углу была поставлена карикатура «Муниципальная елка» (подписана: шарж Каина). На ней изображен представительный мужчина, в очках, с толстой цепью на шее, который сажает в огромную калашу елку, увешанную горящими свечами и подарками, причем каждый подарок подписан: «Займы», «Биржа труда? Мост через Томь? Трамвай?», «Протоколы ревизий» и т. д. Тема Рождества, таким образом, обыгрывалась художником как повод для критики деятельности городской администрации и ее главы.

В связи с военными событиями Первой мировой, сложной социальной обстановкой 1910-х гг. рождественские материалы «Сибирской жизни» приобретают новые штрихи: действие в них теперь происходит в армии, как в произведениях Г. Вяткина «Божьи колокольчики» и «С полей битв»

(СЖ. 1915. № 282), либо в текстах отражается быт и атмосфера Томска в революционную эпоху («Как Иван Иванович рождественский рассказ писал» Е. Вяземского, СЖ. 1917. № 280) и др.

Таким образом, анализ «Сибирской газеты», «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни» – крупных региональных периодических изданий, выходивших в Томске на рубеже веков, – выявляет формирование определенной традиции в отношении такого жанра, как святочный (рождественский) рассказ. Прежде всего, он имел свою специфику, связанную с местным колоритом, а также с общественно-политической позицией газет, благодаря чему часть материалов имела обличительную направленность, либо по контрасту с газетным окружением воспринималась читателями как «единственный луч света» в окружающем мраке. В этом отношении сибирские газеты следовали общей тенденции реалистической литературы, о чем пишут исследователи: «Сохраняя нравственный смысл содержания, русские писатели вводят социальный аспект в вечную тему добра и зла, осложняют содержание рассказов обнажением неблагоприятия и несправедливости в общественной жизни» [Старыгина, 1992. С. 127].

Присутствие жанра святочного рассказа в газетах было и данью установившейся традиции, и возможностью донести до читателя положительные идеалы авторов, что соответствовало их представлению о воспитательной и просветительской роли прессы.

Эволюция святочного рассказа в изданиях происходила по одному сценарию: от пробных одиночных материалов на тему Рождества до полноценных святочных (рождественских) номеров, в которых были представлены материалы разных жанров. Содержание рождественских материалов зависело от ситуации в обществе, от «социального заказа», поэтому они воспринимались скорее как публицистика, а не как художественная литература. Однако благодаря участию в газетах крупных сибирских художников слова и в этом жанре можно обнаружить произведения высокого уровня. «Календарные жанры» давали возможность посмотреть на ситуацию с другой стороны, «на законных основаниях» внести в газетные тексты элементы мистики, фантастики и таким образом расширить спектр методов воздействия на читателя. В этом смысле

жанр святочного – рождественского – рассказа был очень важен для сибирской газеты, о чем говорит и постоянное включение его в структуру газеты конца XIX – начала XX в.

Список литературы

Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 113–127.

Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.

Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и модернизм // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. 329 с.

Список источников

СГ – Сибирская газета. Томск, 1881–1888.

СЖ – Сибирская жизнь. Томск, 1897–1918.

СВ – Сибирский вестник. Томск, 1885–1905.

Материал поступил в редколлегию 16.12.2016

N. V. Zhilyakova

*Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation*

retama@yandex.ru

THE CHRISTMAS STORY IN TOMSK PRE-REVOLUTIONARY PERIODICALS: FORMATION OF GENRE TRADITION

The article examines the emergence and development of the Christmas story in the leading newspapers of the pre-revolutionary Tomsk: «Siberian Newspaper», «Siberian Bulletin» and «Siberian Life». The Christmas story, one of the traditional «calendar genres», was a fixture in the Russian pre-revolutionary newspapers in the late XIX – the beginning of the XX century, and this is true also for the regional press. In the Siberian journalism the Christmas story genre development was due to its capabilities of emotional impact on the reader, referring to the spiritual values that were important to the pre-revolutionary regional newspapers.

In each of the test papers can be traced to a certain evolution in understanding of the capabilities of the Christmas story genre. Initially, they are published trial solitary materials on the theme of Christmas, then the Christmas theme developed in several publications that complement each other, and at the beginning of the XX century in the papers come complete the Christmas numbers, which contains materials of different genres: poems, essays, stories, translations. Contents of materials about Christmas depended on the situation in the society, from the «social order», so they are perceived more as journalism, not as fiction. However, thanks to participation in major newspapers Siberian artists of word (K. M. Stanyukovich, G. A. Vyatkin, G. D. Grebenshchikov et al.), in this genre you can find a high level of work.

At the end of the XIX century the Christmas stories have a pronounced social pathos, their tone was mostly tragic, but at the beginning of the XX century in the newspapers appear the classic examples of the genre with a happy ending, the miracles of Christian moral and ethical issues.

Analysis of the «Siberian Newspaper», «Siberian Bulletin», and «Siberian Life» – the major regional periodicals published in Tomsk at the turn of the century – reveals the formation of a tradition for such genre as the Christmas story. First of all, it had its own peculiarities associated with local flavor, as well as the social and political position of the newspapers, so that part of the materials had a prophetic orientation, or in contrast to the newspaper environment perceived by readers as «the only ray of light» in the surrounding darkness. In this respect, the Siberian newspapers followed the general trend of emerging of realistic literature from the end of the XIX century, as the researchers write.

Presence of the Christmas story genre in newspapers was a tribute to the established tradition, and the ability to convey to the reader the positive ideals of the authors, corresponding to the representation of local publications about educational and enlightening role of the press. «Calendar genres» allowed to look at the situation from the other side, "legally" bring in the newspaper texts elements of mystery, science fiction, and thus expand the range of methods to influence on the reader. In this sense, the genre of the Christmas story was very important for the Siberian periodicals, as evidenced by its inclusion in the structure of the socio-political newspapers in late XIX – early XX century.

Keywords: the Christmas story, Tomsk journalism, genre, «Siberian Newspaper», «Siberian Bulletin», «Siberian Life».

References

Baran H. Dorevoljucionnaja prazdnichnaja literatura i modernism [Pre-revolutionary festive literature and modernism]. *Baran H. Pojetika russkoj literatury nachala XX veka* [Poetics of Russian literature of the early twentieth century]. Moscow, 1993, 329 p. (in Russ.)

Dushechkina E. V. Russkij svjatochnyj rasskaz: Stanovlenie zhanra. Diss. ... dokt. filol. nauk. [Russian Christmas story: Becoming a genre. Dr. Philol. Sci. Diss.] St. Petersburg, 1993. (in Russ.)

Sarygina N. N. Svjatochnyj rasskaz kak zhanr [A christmas story as a genre]. *Problemy istoricheskoj pojetiki* [Problems of historical poetics], 1992, № 2, p. 113–127. (in Russ.)

Sibirskaja gazeta [Siberian Newspaper]. Tomsk, 1881–1888. (in Russ.)

Sibirskaja zhizn' [Siberian Life]. Tomsk, 1897–1918. (in Russ.)

Sibirskij vestnik [Siberian Bulletin]. Tomsk, 1885–1905. (in Russ.)